

Фируза Акопян

ЧЕРЕЗ ВРЕМЕНА

Фируза Акопян

Через времена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26107755

ISBN 9785448571145

Аннотация

Что, если человеческая душа бессмертна и посылается на Землю Высшим космическим разумом до тех пор, пока не постигнет истинное предназначение себя как человеческого вида? Героиня книги девушка Мира проживает жизни более 6000 лет, всегда умирая в 29 лет и рождаясь заново. История её жизни охватывает периоды постройки Девичьей башни, Индии I века, фашистской Германии, жестокие времена никоновского раскола на Руси, падение Римской империи и жизнь в современном мире.

Содержание

Вступление	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	35
Глава 5	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Через времена

Фируза Акопян

Иллюстратор Xenia Grey

Корректор Татьяна Добролюбова

Корректор Марина Патрушева

© Фируза Акопян, 2018

© Xenia Grey, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4485-7114-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Сначала Бог создал Сатану. Человека он создал после. Однажды Сатана воспротивился Божьей воле:

– Бог! Ты создал меня из огня, а человека из земли и воды. Так почему я должен поклоняться грязи? Человек – это грязь! Грязь должна поклоняться огню!

– Человек и есть Бог! Я сотворил Человека подобным мне. Тебя я создал как слугу Человеку, – ответил Бог.

– Дай мне время, и я докажу тебе, что человек – это грязь.

– Хорошо. У тебя есть время до Судного дня. Когда наступит Судный день, ты придёшь ко мне. Если ты докажешь мне, что моё творение – грязь, – я вознесу тебя над Человеком. Если же нет, я тебя погублю!

Уговор вступил в силу...

Глава 1

– Мира! Быстро домой! Сейчас промокнешь! – кричала мне бабушка, в то время как я стояла на крыльце и наслаждалась дождём.

Я закрыла глаза, подняла голову, чтобы капли падали мне на лицо. Для полуторогодовалого ребёнка стоять под дождём – одно из интереснейших развлечений, в этом есть своё особое очарование. Хотя и сейчас для меня это занятие осталось любимым. В детстве мне казалось, что капли дождя, падающие с неба, – некое благословение. Я слышала шаги бабушки, которая направлялась ко мне, но продолжала стоять на месте.

– Вся намокла! Посмотри на себя! Что мне с тобой делать? – бабушка взяла меня на руки и отнесла домой. Посадив меня в кресло, она пошла за сухой одеждой, а я в это время опять маленькими неуклюжими шагами потопала на улицу. Дождь скоро закончится, мне надо успеть. Вдруг завтра будет ясная погода?

– Мира! Опять ты убежала! А ну иди сюда! – звала меня бабушка и бежала ко мне. Дождь закончился, к моему сожалению, я пошла к ней навстречу.

Какая у меня красивая бабушка! Я до сих пор помню её стройную фигуру, длинные волосы, уложенные в пучок, глаза, в которых было столько мудрости и доброты. В детстве

я надеялась, что когда вырасту, буду на неё похожа. Когда она подошла ко мне, я улыбнулась ей, но не для того, чтобы она не ругала меня, а потому что очень её любила. Надо сказать, что она никогда меня не ругала. У этой женщины было ангельское терпение по отношению ко всем и безгранично доброе сердце.

– Мира, Мира... Ты заболеть хочешь? – произнесла она уставшим голосом, и повела меня в дом, где передела и налила теплый чай.

На следующий день я выбежала из дома на крыльцо из-за странных звуков. Все жители деревни вышли из своих домов, они суетно стремились куда-то, а я стояла и смотрела на небо. Тогда впервые я увидела вертолёты. Они кружили низко над землёй. Меня переполняло чувство радости, казалось, что к нам летят люди с подарками. Такое глупое предположение могло прийти в голову только ребёнку, чья душа ещё чиста и не знакома со злом в мире. Я стояла на пороге, прикрывая лицо от лучей Солнца, и пыталась рассмотреть полёты в небе. Я не могла понять, куда так все спешат, когда в небе такая красота! Не помню, сколько я так стояла замороженная, но моё времяпровождение прервал голос бабушки, она меня звала, громко крича. Я повернула голову и увидела, что она бежит в мою сторону. В её глазах стоял дикий страх, она быстро подбежала ко мне, взяла на руки и, продолжая бежать, направилась в сторону дома. Я не могла понять, почему ей страшно, но чувствовала, как быстро бьётся

ее сердце. Она звала бабушку и разговаривала с ним на другом языке, который я не понимала. Её страх быстро передался мне, но я не заплакала. Бабушка бегала со мной на руках по дому, она собирала украшения и документы. Вскоре появился взволнованный дедушка, они бурно обсуждали что-то. На улице стали раздаваться громкие звуки. Как потом я узнала, это были выстрелы и крики людей. Бабушка выпустила меня из рук, присела на корточки и сказала дрожащим голосом:

– Мира, стой здесь! Не смей никуда уходить! На улице опасность!

Я, честно, как солдат, выполняющий приказание, стояла неподвижно некоторое время. Затем раздались слишком громкие звуки с улицы, я вздрогнула и от страха выбежала на улицу. Так как бабушка с дедушкой были поглощены собиранием вещей, они были уверены, что я стою на том же месте, где меня оставили, поэтому они не заметили моего ухода. Я вышла на крыльцо и увидела, как взволнованные люди бежали с вещами, кто-то укладывал вещи в машину. В воздухе нависла паника и ужас, которую я не могла понять. Я стояла, как вкопанная, и не могла пошевелиться. Что происходит? Куда все бегут? Затем я увидела драку, в которой один мужчина воткнул нож в глаз другому. От страха я побежала вперёд. Полторагодовалый ребёнок не способен бегать быстро, он вообще не способен на бег, – это больше похоже на перебежки, поэтому я быстро устала. Вскоре я уви-

дела большое дерево и спряталась за него. Не помню, как долго я простояла возле него. Когда тебе полтора года, и ты ещё не знаешь, что такое война, то происходящее вокруг кажется игрой в прятки, ты прячешься, не зная от чего, при этом страх неизвестности сопоставим с одним желанием: бежать, не важно куда, главное бежать. Моё сердце бешено билось. Есть такой страх, природу которого не понимаешь, он окутывает тебя с головы до ног, лишая сил пошевелиться.

– Мииира! Ты где? Мииира! – я от страха не могла выдать хоть какой-то звук. Чем громче и отчетливее был голос бабушки, тем сильнее на глаза наворачивались слёзы, и наконец, ей в помощь, я смогла заплакать. На этот плач она сумела меня найти. – Вот ты где! Я сказала не уходить никуда! Почему не слушаешь меня? – её голос и руки дрожали, она осмотрела меня всю, взяла на руки и побежала, по дороге проверяя, не ранена ли я.

Темнота, сырость и холод. Мы вчетвером сидим в тёмном помещении. Бабушка держит меня на руках и просит молчать. Моя тётя держит моего брата и прикладывает палец к его губам, давая понять, что сейчас всем нужно сидеть как можно тише. Мой брат старше меня и поэтому он понимал всё происходящее. Я же младше и со мной сложнее. Спустя лишь двадцать лет я узнала, что тогда мы прятались в конюшне, просидев там двое суток. Также спустя двадцать лет я узнала, что мои бабушка с дедушкой отдали золотые украшения пилоту вертолёта, чтобы меня увезли

с места войны. Они думали, что не выживут, и хотели спасти меня. Таким образом, меня одну нелегально перевезли с одной страны в другую. Уже в Армении меня забрала моя вторая тётя. А бабушка с дедушкой, тётей и братом остались в Азербайджане.

Это был май 1989 года, начало войны в Нагорном Карабахе и очередная моя жизнь.

Глава 2

Москва, 2016 год.

Завтра у меня три операции, а сегодня мне нужно подготовиться к ним и побеседовать со всеми пациентами. Я выпила кофе, надела халат и направилась в кабинет для разговора с первым больным. Обычно в таких разговорах врач является больше психологом, который успокаивает, говорит, что всё будет хорошо, что нет повода волноваться, или же наоборот, приводит ряд предположений, подстраховывая себя. Мы – врачи всегда идём на риск, ведь имеем дело с человеческим организмом, а как известно, организм – это живая материя, и она может вести себя крайне непредсказуемо. Даже если врач всё делает правильно, это не гарантирует ровным счётом ничего, потому что всегда есть вероятность непредвиденных ситуаций. Возле палаты меня схватила за руку Ирина Ивановна – пациентка, которая была первая на операцию по списку завтра. Она смотрела на меня грустными глазами, хоть и пыталась выдать из себя подобие улыбки. Мы присели на диван в холле. Я была уверена, что речь пойдет о деньгах, все пациенты пытаются дать денег перед операцией, будто это гарантия того, что все пройдет хорошо. Но моя интуиция подсказывала мне, что разговор примет другой оборот.

– Мирочка, милая, вы должны мне помочь. Даже не знаю,

как начать разговор, – Ирина Ивановна отводила глаза, она была сильно взволнована.

– Что случилось? Откуда такое волнение?

– Я не хочу завтрашней операции, – сказала, как отрезала, женщина. За мгновение странным образом её нерешительный тон сменился, в голосе появился тон властный, непоколебимый и не принимающий возражения.

– Так! Стоп! Что значит «не хочу операции»?

– Мирочка, есть другие пациенты, которым операция нужна больше, чем мне. У них семьи. Вы же кардиохирург и сами понимаете, что после операции я всё равно долго не проживу.

– Ирина Ивановна, не переживайте, все пациенты оперируются по очереди. Не бойтесь, операция должна пройти по плану, непредвиденных ситуаций быть не должно. Вы и так долго ждали этого, сейчас в вас играет страх. Моя задача как врача: продлить жизнь пациента настолько, насколько это возможно.

– Я хочу написать отказ... Ещё же не поздно?!

– Что-о-о-о-о?! Вы в своем уме? Что это значит? – я не верила своим ушам. Уж что, а таких слов я не ожидала услышать. Как она себе это представляет? За день до операции она заявляет, что хочет отказ! О чём она думала раньше?!

– Мирочка... Поймите меня... Как сказать правильно? Я уже и так прожила эту жизнь, с меня хватит. Бог никак не заберет меня к себе. А я устала, очень устала.

У меня внутри всё перевернулось от этих слов. Инстинкт выживания один из сильнейших инстинктов человека. Почему у неё его нет? Что её так сломило?

– Ни о каком отказе не может идти речи. Это не обсуждается. Завтра операция. Это страх говорит, не вы. Потом еще спасибо мне скажете.

– Мирочка, я знаю, что эвтаназия в нашей стране запрещена. Но вы можете помочь мне. Я прошу. Как называется препарат, который остановит работу моего сердца? – её лицо выражало полное спокойствие, казалось, она просит не убить её, а принести воды. С каким же усилием порой человек говорит о незначительных вещах, и с какой легкостью говорит о вещах, имеющих глобальное значение.

Моё тело покрылось мурашками от осознания полного ужаса этой ситуации. Я только потом поняла, как мы с ней похожи. Для того, чтобы принять подобное решение, действительно нужна храбрость. Иногда обстоятельства сильнее нас. Я не знаю, что случилось в её жизни, раз она не хочет жить. Она исчерпала себя и это факт. Хотя она живая сидит передо мной, но её глаза говорят об отсутствии в них жизни. А ведь такие глаза можно увидеть у каждого второго, если приглядеться. Многие люди волочат своё жалкое существование, просыпаются каждый день, зная, что ничего нового этот день не принесёт. И так изо дня в день. А есть такие люди, как Ирина Ивановна, которые гордо сдаются. Нет ничего хуже, чем чувствовать внутренний трагизм человека, с кото-

рым разговариваешь, не имея при этом шанса помочь ему изменить что-то, потому что принятое решение не подлежит изменению. Для того, чтобы смочь попросить о таком, нужна огромная смелость либо отсутствие страха. Уже неважно, что ею двигало: факт остаётся фактом. Помимо всего меня сдерживала этика врача, поэтому приходилось вести диалог культурно. В глубине души я понимала эту женщину, но всё моё подсознание было против принятия данной ситуации.

– Ирина Ивановна! Не я дала вам жизнь и не мне её у вас отбирать! Как вы додумались до того, чтобы просить меня об этом! Я – врач, а не палач! Вы подумали обо мне? Я думала, что такое бывает только в фантастических фильмах! Но сейчас мне кажется, я нахожусь в другой реальности! Вы понимаете, что то, о чём вы меня просите, негуманно?! Я уже молчу про то, что это незаконно! Я никогда не согласилась бы помочь вам в таком вопросе!

– Я прошу помощи, – повторяла она, как заезженная пластинка. – Скажите мне название препарата, я сама приобрету его, это уже будут мои проблемы, как достать, – сказала старушка, чуть плача.

Это было за гранью даже моего понимания! Я могу убить себя, но не другого человека! Я больше не могла выносить этот разговор, от которого у меня начала раскалываться голова. Я помню, как в концлагере люди кончали жизнь самоубийством, потому что *там* было лучше умереть, чем терпеть такие издевательства. Тогда убить другого человека –

означало помочь ему. Но не сейчас! В современном мире жестокость осталась, но она приобрела иные формы. И каждый раз, когда я вижу угасший огонёк жизни в глазах человека, я хочу спасти его, будто этим самым я спасаю себя. Я прекрасно понимаю, что это лишь иллюзия, которую мы сами себе придумали и в которую поверили. Нам всегда кажется, что чужая жизнь проще и все проблемы имеют решение, причём это решение настолько очевидно и выполнить его так легко, но как только дело касается нашей собственной жизни, мы прячем глаза и теряемся. Будучи человеком, живущим несколько тысяч лет, я не могу утверждать, как устроен человек. Я не знаю, как мне самой спастись. Если я не способна спасти свою душу и прекратить цикл перерождений, неужели я могу помочь другому человеку спастись? Конечно, нет.

– Я вам в этом вопросе не помощник! Тема закрыта! Жду вас завтра в операционной!

На следующий день я шла на работу с тревожным чувством внутри, ничем необъяснимое беспокойство мучило меня с утра. Я не могла связать внутренний страх ни с чем. Но по опыту своей жизни я знаю, что беда приходит всегда неожиданно. Вчерашний разговор с Ириной Ивановной отложился в памяти, почему-то я пропустила эту ситуацию через себя, хотя за много веков я смогла выработать в себе чувство хладнокровия. Но не в этот раз. Все мы сильны до тех пор, пока не сталкиваемся с чужой трагедией лицом к лицу, которая в какой-то степени схожа с нашей внутренней тра-

гедией.

10:00. Пациентку ввели на каталке в операционную, она уже находилась под наркозом. Началась операция на открытом сердце.

– Сухое сердце, – скомандовала я. Это означало начало операции.

Сначала нужно остановить сердце. Так как оно находится в постоянном движении, нам необходимо искусственно его остановить. После остановки, следующий этап – осушить сердце. Под понятием «осушить» подразумевается выкачать из него всю кровь. Мы соединили артерии и вены с аппаратом искусственного кровообращения. Дальше мы должны охладить кровь. Температура тела пациента не должна быть выше 28 градусов. Кровь охлаждает аппарат искусственного кровообращения. Как только сердце охладилось, мы ввели раствор, который остановил работу сердца. После обложили сердце льдом, опустили температуру тела до восьми градусов. И вот лежит эта несчастная женщина под аппаратами искусственного кровообращения и искусственной вентиляции легких, я вижу её сердце, которое пока не бьётся, но которое я заставлю потом работать лучше. Как она могла просить такое? Я должна сосредоточиться на операции, а не думать об этом. Когда ты врач, у тебя нет права на эмоции, ведь от тебя зависит жизнь другого. Хорошо, что руки знают своё дело, даже если ты давно не оперировал, руки всё равно всё помнят. Прошло 45 минут, аппарат искусственно-

го кровообращения медленно начинает гнать кровь обратно к сердцу, согревая его. Сейчас главный человеческий орган заработает. Что такое? Сердце не запустилось само. Ладно, сделаем дефибрилляцию. Не помогает! Сердце не бьётся!

Леонова Ирина Ивановна. 64 года. Время смерти: 10 часов 50 минут.

Я вышла из операционной, быстрыми шагами прошла в кабинет, села на стул и заплакала. Я понимаю, что как врач сделала всё правильно, ошибок не было, всё шло по плану. Но как человек я также понимаю, что если пациент не хочет жить, его ни один врач не спасёт. Позже приехал сын Ирины Ивановны. Запах перегара и опухшее лицо говорили за него. Конечно, мне хотелось накричать на него, но смысл? Если природа не наделила его мозгами, что тут сделаешь? На природу что ли обижаться за это? Хотя я винила его в том, что Ирина Ивановна дошла до того, чтобы говорить со мной насчёт самоубийства. Скоро у меня еще две операции. Но то, что случилось, выбило меня из колеи. Насколько же сильны человеческие мысли. Они проецируют реальность и будущее. Ирина Ивановна хотела умереть, и она мертва. Надо быть очень аккуратными со своими желаниями и мыслями. Мысль – это события будущего, высказывать их надо точно. Человек часто говорит: «Я устал, хочу лежать и ничего не делать». Жизнь исполняет его желание, он лежит парализованный в кровати. Он же хотел лежать и ничего не делать. Он получил. Я знала женщину, которая очень хотела похудеть,

она ненавидела себя толстой. Она всегда говорила, что хочет видеть в зеркале себя стройной, а не толстуху, которой является. Её желание сбылось: она заболела раком. Теперь она смотрела в зеркало и видела ту самую стройную женщину, какой хотела быть. Но смертельно больной. Также меня пугают всегда слова людей: «Я бы всё отдал, чтобы вернуться в то время». Человек не понимает, что это желание может обернуться для него сумасшествием. Он будет жить и думать, что живет в то время, когда был счастлив, не осознавая, что он психически нездоровый. На протяжении тысячелетий я наблюдаю то, как человек борется за жизнь. Каковы бы ни были обстоятельства, желание жить – самое сильное. Каждый раз, когда я становлюсь свидетелем того, что человеку больно жить, во мне что-то ломается. Казалось бы, что за столько веков я должна была спокойнее относиться к подобным вещам, но я так и не смогла.

Остальные две операции прошли по плану. Мне удалось взять себя в руки. Я – врач и не имею права на эмоции, когда это касается жизни человека. На следующий день сын Ирины Ивановны забирал её вещи. Я выдала ему все документы.

– Я – плохой сын. Когда мама была жива, я не ценил её. А сейчас не знаю, как жить без неё. У меня тоже есть дети. Впервые мне стало страшно, ведь я тоже, как моя мать, могу умереть больным и одиноким.

Я посмотрела на него, но ничего не ответила. Мне не хотелось разговаривать с этим человеком. Я не понимала ни-

когда и не понимаю до сих пор, как можно безответственно относиться к своим родителям? Родители дали нам жизнь, уже за это их нужно уважать. Как он допустил то, о чём говорила его мать?! Возможно, из-за того, что я выросла в любви и заботе, я так рассуждаю. К сожалению, у многих не так. Да, я рассуждаю со своей колокольни и мне не понять людей, которые не уделяют родителям должного внимания и уважения.

– Мира, я принёс вам её блокнот. Я вчера перебирал её вещи и наткнулся на него. Там про вас тоже написано. Заберите его, – он протянул мне потёртый блокнот.

– Спасибо, – ответила я и отложила его на край стола.

Вечером, когда я пришла домой, я открыла записи Ирины Ивановны. На первой странице было написано: *«Жизнь – есть постоянный поиск себя. Мы ищем себя каждый день с момента рождения. Иногда нам попадаются люди, которые помогают; чаще – люди, которые сбивают с пути поиска. Я прожила свою жизнь, так и не найдя себя. Я искала себя в муже, но не нашла, я искала себя в материнстве, но воспитала неблагодарного сына. Потом я пыталась найти себя с помощью религии, но и эта дорога никуда не привела. Я окончательно потеряла ту себя, какой была в тот момент, когда начала себя искать. Со временем я ожесточилась, так происходит всегда, когда душа неспокойна. Позже ожесточение сменилось отчаянием, но и отчаяние затем переросло в другое, более худшее чувство – равнодушие.*

Весь мир я вижу в чёрных красках. Это ужасно, когда человека не радует ничего. Что может спасти меня? Наверное, лишь смерть». Я дошла до места в блокноте, где написано про меня: «Мира изо всех сил борется за мою жизнь, в то время как я опустила руки. Мне стыдно перед ней. Она хорошая девушка, и как любой хороший человек – она несчастна». На последней странице блокнота была запись: «Мы скитаемся в этом мире, потому что идём не по правильному пути. Чем раньше мы поймём своё истинное предназначение в жизни и не будем сходить с этой дороги, тем лучше для нас». Когда я прочла весь блокнот, я задалась вопросом: почему я не разглядела в ней мудрость, когда она была рядом и была жива? Меня угнетало чувство, что я могла помочь ей, но не помогла. Потом я поняла, что ведь она права! Мои бесконечные скитания в разных жизнях, разве не есть наказание за то нечто, чего я пока не способна понять? Возможно ли осознание истины? Если возможно, прекратятся ли мои перерождения?

Глава 3

Бог спускается на землю
В обличие людском,
Мир, сотворённый им,
Предстаёт адским дном.

1944 год. Нацистский концлагерь. Фашистская Германия.

Вторая Мировая война – это период, ставший для всех кровопролитием. В войне приняли участие 62 страны из 73-х существовавших на тот момент. Это почти вдвое больше, чем в Первой Мировой войне. Это был первый конфликт, в котором применили ядерное оружие. Земля стала Адом в прямом смысле этого слова. Казалось, Бог забыл про людей. До сих пор непонятно, как наша Земля выдержала столько разрушений за всё время войны. Разрушались целые города, вековые инфраструктуры. Нацистские концлагеря стали «фабриками смерти», советские лагеря имели те же предназначения. Это время ужаса, время медицинских и биологических экспериментов над людьми. В 1944 году войну вели две крупнейшие мировые коалиции: Советский Союз и Германия, где вторая никак не могла смириться с итогами Первой мировой войны. Было неизвестно чьей победой окончится война, но её окончания ждали все. Вторая

мировая дала миру много гениальных людей, начиная от писателей и заканчивая людьми науки.

Нас привезли в поезде, в котором мы были прижаты друг к другу так плотно, что было очень трудно дышать. В вагонах стоял спёртый запах, он вызывал тошноту, были и те, кого рвало, что усугубляло ситуацию. Сколько часов нас везли, никто не понимал, время потеряло счёт. Всех мучил один вопрос: что с нами будет? Но уже по прибытии на место мы убедились, что попали в концлагерь. Концлагерь представлял собой огромную площадь, напоминавшую кладбище. Всё было ограждено воротами из колючей проволоки, везде стояли нацистские солдаты. Я сравнила это место с кладбищем, потому что всё было мрачно и в воздухе веяло страданиями и смертью. Мы, новая поступившая партия рабочей силы и материала для экспериментов, были загнаны на территорию лагеря и навсегда изолированы от внешнего мира. Каждый понимал, что никогда не выйдет отсюда живым. Вопрос заключался в том, сколько времени и каких мучений каждому будет стоить пребывание здесь. Лучше бы нас сразу убили. У нас отобрали всё, что было при себе: одежда, золотые украшения, деньги и другие принадлежности. Все наши вещи складывались по отдельным кучкам, затем всё это перебирали немецкие солдаты и распределяли для дальнейшего использования.

Сначала нас всех построили на улице, заставили снять с себя всю одежду и стоять. Люди на улице мёрзли, стоя под

падающим снегом. Те, кто падали без сознания от холода или обморожения конечностей, были пристреленными, поэтому приходилось держаться из последних сил. Приехал ещё один поезд с заключенными. Ряды голых пополнились, как и количество убитых. Солдаты не церемонились: при малейшем подозрении на тиф или физическую непригодность стреляли. Ужасная картина: стоять и не знать, кто будет убит следующим, все вздрагивали от каждого выстрела. Но ужаснее всего, когда стреляют в человека, который стоит рядом. Вроде ты рад, что это не ты, но и чувствуешь сострадание к нему. Я испытывала чувство зависти, что человек больше не мучается, для него всё кончилось.

Солдаты громко скомандовали направиться в помещение, находящееся справа от того места, где мы находились. В эти приказания они вкладывали всю ярость и ненависть, на которую были способны. Люди не знали, куда идут и зачем, но сам факт, что там будет теплее, чем на улице, уже обнадеживал нас. Вернее, эта иллюзорная надежда, которую мы все питали, для каждого обернулась жестокой игрой судьбы. Это было начало ужасов, которое предстояло пройти. Всех по очереди побрили наголо, таким образом заключённых лишали воли, самооценки и показывали, что все, кто здесь находится – лишь гниль. Следующим шагом было отобрать людей, у кого вставлены золотые зубы, и выдрать их. Ничто не должно пропадать зря. Великий народ умеет использовать всё, что под рукой. Действительно, зачем вообще зу-

бы человеку, который в положении раба? Естественно, всё это делалось без анестезии. После всех процедур людей затолкали по баракам. Были женские и мужские бараки. Люди по несколько человек помещались на одном клочке так называемой кровати, обычно это количество достигало около десяти человек на место. Эсэсовцы стояли повсюду. Всем выдали одежду, напоминающую бесформенное одеяние, в котором можно умереть от холода. Помимо этого, с питанием в лагере заключённые в скором времени исхудали так, что в прямом смысле были видны кости под кожей. Попав сюда, человек автоматически терял имя, но приобретал номер. Бритые головы, лишение имён и многое другое – это способы уничтожить личность, превратить людей в безропотное стадо, чтобы ими было легче управлять. Казалось, что это кошмарный сон: ещё недавно человек жил спокойной и размеренной жизнью, а уже сейчас потерял всё, что имел не так давно. Уже никто не надеялся вернуться к прежней жизни.

Всех завели в холодные бараки, где предстояло просто ждать. Ждать неизвестно чего и неизвестно сколько времени. Здесь полностью потерялось ощущение времени. У людей было отнято всё: начиная от личных принадлежностей и заканчивая верой в будущее и верой в Бога. Бог здесь навсегда утратил свой авторитет и всемогущество. Когда мы зашли в бараки, то в нос сразу ударил терпкий запах, вонь была повсюду. Многих рвало и это усиливало и так уже существующий запах. Было очень холодно, от этого холода все

тело переставало слушаться, каждый шаг давался с диким усилием. Спустя какое-то время к нам пришло осознание того, где мы. Но осознание того, что будет с нами пришло несколько позже.

– Нам надо лежать вместе, чтобы было теплее, – сказала одна женщина.

– Я думаю, что не придётся лежать долго, – сказала я.

Все поняли, о чём я. Конечно, всех убьют. Остальные умрут от истощения во время работ. Но это будет не сразу. Мы видели трубы, из которых выходил дым, так мы поняли, что это печи для сжигания людей. Сейчас вся страна производит оружие в огромных количествах для борьбы с противниками. Это было место, где заключенные являлись рабочей силой, подопытным материалом для расцветающей в то время хирургии.

За эту ночь несколько человек умерли. Женщины просыпались от холодного тела рядом. Те, кто лежал с погибшим человеком, забирал его одежду. Борьба за клочок ткани впоследствии стала нормой. И также нормой стало радоваться чужой смерти, потому что это был шанс утеплиться самой. Рано утром всех вывели на территорию лагеря для работ. Эсэсовцы строго наблюдали за тем, чтобы мы работали как можно быстрее. Ни о каких разговорах между собой не могло быть и речи. Работа проходила в тишине, которую нарушали самолёты союзников, скидывающие бомбы неподалеку. Первое время все вздрагивали, потом привыкли.

Так прошел первый день. Никогда не думала, что эта по-мойка, называемая едой, покажется мне вкусной. Мне надо было решить, где и в какой момент лучше покончить с собой. Долго я тут торчать не собиралась. Но неожиданно пришли несколько солдат и выборочно забрали около десяти женщин. Никто не знал, куда их увели и вернутся ли они. Тишина, которая наступила после, не то что рвала уши, она была невыносима. Позже мы узнали, что людей обманым путем заводили в газовые камеры: кому-то обещали свободу, кому-то еду. В таких условиях даже право выбора, которое якобы тебе предоставляют – всего лишь обман, химера. Хочешь ты или нет, ты всё равно следуешь за солдатом. Так прошёл месяц моей жизни. Мои мысли занимало только одно: как прервать жизнь?! До этого ни разу не предвиделся случай осуществить мой план. Сама мысль быть убитой паршивым солдатом казалась мне унижительной. За несколько веков я привыкла к страданиям людей, но в каждой жизни встречаешь человека, чья боль вызывает у тебя сострадание. В бараке находилась молодая девушка – Лина – ей было двадцать лет. От её красоты ничего не осталось. Несколько зубов выпали, лысая, худая. Глаза настолько впали внутрь, что это вызывало желание убить её, чтобы она не смотрела на тебя. Трудно выносить взгляд человека, который внешне отвратителен тебе, но при этом испытываешь к нему жалость. Становилось жутко от этого взгляда. Однажды ночью мы разговаривали с ней. К сожалению, ей было хуже всех

здесь, она была еврейка, но скрывала это. Меня не покидала мысль, что эта война была затеяна для истребления евреев, причём двумя государствами. Будто обе страны соревнуются между собой, кто же уничтожит больше евреев.

– Я хочу, чтобы союзники победили, – сказала она.

– Думаешь, будет лучше? – ответила я.

– Уверена. Я была там. Там все по-другому, люди душевные. Русские думают иначе, у них в крови помогать.

– А мне всё равно, кто выиграет, лишь бы Германия проиграла. В любом случае, хуже уже не будет.

– У меня был муж. А у тебя?

– У меня не было никого.

– Тебе повезло, значит, у тебя нет боли от потери любимых людей. Моего мужа убили при мне, вернее я успела спрятаться, а он нет. Такое не забывается. Я до сих пор виню себя за то, что просто пряталась, когда его убивали. Поэтому тебе повезло.

– Почему тогда ты осталась жива? Почему ты не покончила с собой? Я бы именно так и поступила.

– Желание жить сильнее! Как ты не поймешь?!

– Значит, ты его не любила. Вот и всё. Это всё объясняет.

Да уж! Куда мне? Только разница в том, что моя память насчитывает несколько тысяч лет, а твоя всего двадцать лет, из которых осознанно помнишь лет пятнадцать! То, что каждая из нас внутри чувствовала, сложно было передать словами. Но после этого разговора мне стало ясно, что нужно

быстрее заканчивать с этим, если я не хочу испытать все унижения и быть жестоко убитой. И меньше всего мне хотелось знать, что случится с остальными. В следующей жизни я и так узнаю, чем всё закончится. Мы легли спать. Находясь здесь, меня не покидала мысль: могла ли я представить в прошлых жизнях, что в далёком будущем мир изменится до неузнаваемости? Могли ли мы тогда предполагать, что наша планета станет полем битвы ради клочков земли, которые не принадлежат никому и одновременно принадлежат всем?

– Мира, ты не спишь? – спросила Лина.

– Нет. Что случилось? – ответила я, хотя на самом деле провалилась в сон.

– Я боюсь спать. Мне кажется, если я усну, то меня убьют.

– Нас всё равно убьют. Уж лучше пусть во сне, – ответила я хладнокровно.

– Тебе безразлично, будешь ты жить или нет? – не верила она своим ушам.

– Да. Жизнь здесь не жизнь, а жалкое существование, я не хочу такой жизни. В нас убивают всё человеческое, используя разные способы. Неужели ты действительно, видя всё это, хочешь жить?

– Мы же не бессмертные!

– Для меня это не меняет сути дела, – я понимала, насколько эгоистично я разговариваю, ведь я буду ещё жить в отличие от неё.

После этого разговора я поняла её. Лина из тех людей, которые способны смириться с любой жизненной ситуацией, какой бы тяжелой она не была. Её хрупкая психика поставила блок от внешнего мира, потому что ей так легче переносить все тяготы жизни, иначе бы она сошла с ума. Человеческий мозг всегда так поступает в критических ситуациях.

Рано утром нас разбудили криками, кричали солдаты. Нас выпроводили на улицу для работ. Такой холодной зимы не было очень давно, будто весь мир против заключённых. Природе безразлично, что в мире творится, будь то война, чума либо ещё что-то. У природы всё вовремя – это то, что всегда неизменно. Каждую ночь здесь забирали людей, женщин насиловали, были тут и беременные. Через неделю после нашего пребывания мы узнали, что здесь родился ребёнок, его мать понятия не имела кто отец малыша. Она не хотела, чтобы её ребёнок рос в таких условиях, поэтому вскоре после родов задушила его, считая, что избавила от страданий. Но не выдержав убийства крошки, она сумела покончить с собой. Никто не осмелился её судить, не то это место для осуждения или порицания. Другие, которым не так повезло, подверглись экспериментам врачей, которые набивали руку в антисанитарных условиях. Главный упор в хирургии ставился на ампутации конечностей и их заменой. Отрезать ногу легко, ведь человек может жить без ног, рук, глаз, вопрос комфортной жизни не идёт в счёт. Трудность заключалась в том, что пациенты после ампутации конечно-

сти умирали от нагноения раны, вызванной условиями проведения подобных операций. Так как в «подопытных кроликах» не было недостатка, хирургия быстро шагнула вперед. Особенно это касалось протезов, так как людей с ампутированными конечностями было очень много. К тому же многие заработали на этом деньги. В этом и заключается парадокс жизни: ничего не достигается лёгким путём, только через страдания.

Одним из удивительных явлений стала эмблема свастики во время Второй Мировой войны, которую использовала Германия как нацистскую. Теперь ассоциация с ней – это нацизм. Если глубоко покопаться, то первоначальное значение свастики – это символ Солнца. Само слово «свастика» происходит от санскритских слов «су», что означает *добро* и «асти», что означает *быть*. Гитлер пришёл к власти в 1933 году, а на банкнотах России 1917—1918 годов уже был изображён этот символ. Это ещё одно доказательство того, что символика была государственной, а не антирасовой. Также, например, пол Эрмитажа в Питере тоже расписан свастикой. Более того, на иконе Казанской Божьей матери 19 века изображена свастика. Эмблема проделала долгий путь от возникновения и до наших дней, будучи изначально символом поклонения Солнцу, то есть источнику жизни на нашей планете. Сейчас же поклонение этому символу имеет иное значение. Не Гитлер её придумал, он лишь видоизменил её немного, сделав четырёхконечной, направленной

ной в правую сторону, символ должен был находиться в белом круге, который помещался в красный треугольник. К тому же свастика является основной символикой многих религий, например, она была символикой Джайнизма – религии, которая возникла в Индии примерно в девятом веке до нашей эры. И где связь между истинным значением и нацистским течением?

Этой ночью солдаты опять захотят развлечься и заберут ещё несколько женщин. Не концлагерь, а бордель. Мне необходимо оказаться в их числе. Я старалась не заснуть, чтобы быть наготове. Мы услышали шаги, быстрые и громкие. Начинается. Отобрали несколько девушек – тех, что помоложе, и среди них была Лина. Так, стоп! Почему меня не отобрали? Я выгляжу старой?! Лина! Бедная девочка, она же не переживёт эти издевательства. Внутри у меня всё протестовало против этого! Тут все пострадали, но её мне было жаль больше всех. У меня появилась идея! Это очень рискованно, но что я теряю? Жизнь? Это смешно.

– Не трогайте ее! – сказала я, сама удивляясь своей смелости и грубому тону.

Солдат толкнул Лину, она упала. Он подошел ко мне, схватил за шею и потащил, параллельно приказывая Лине следовать за ним. Где-то мой план дал сбой, я должна была соблазнить, а не разозлить. Господа вспоминать бесполезно, дьявола тоже. Бессмертные люди вообще могут обратиться к кому-нибудь? Солдат втолкнул нас в маленькую комнату

и запер дверь. Кошмар, у этих немцев нет в крови никакой романтики! Мира, думай, думай! Быть изнасилованной тупым немецким солдатом, у которого ещё молоко на губах не обсохло – совсем унижительно. Быстрым взглядом я оглядела помещение и увидела дверь. Вот она мне и поможет! Он толкнул меня на раскладушку, и я упала. Лину заставил раздеться и стоять голой. Серьезно? Так сразу? Для пущего ужаса моей ситуации он ударил сначала её, потом меня, затем расстегнул брюки. Глаза его сверкнули: я поняла, что я на верном пути. Он снял оружие и положил на стол. Настал тот самый момент. Я посмотрела с ужасающим видом на дверь. Мне не составило труда сыграть эту роль, парень-то молодой и безмозглый. Я указала рукой на дверь, притворяясь, что вижу там что-то, при этом прикрывая рот якобы от ужаса. Лина не понимала, что происходит, она была напугана всем и моим поведением в том числе. У каждого солдата есть страх перед начальством, и тем сильнее страх, когда солдат по своей натуре трус и подлец. Он быстро натянул брюки, показал нам пальцем молчать и пошёл посмотреть, что же там я увидела. Я, долго не думая, быстро дотянулась до стола, где лежал пистолет, схватила его и выстрелила в него дважды. Лина посмотрела на меня с ужасом и сказала:

– Мира, что ты наделала? Нас же убьют!

– Не убьют, если мы сами умрём!

– Что ты хочешь сказать?

– Лина, послушай! Сейчас придут солдаты, увидят мёрт-

вого товарища, и знаешь, что они сделают с нами? Сначала пустят нас по кругу, а потом жестоко убьют! У нас один выход! Пистолет заряжен! Думай быстрее, Лина! Или я одна всё сделаю.

– Ты права. Давай уже закончим это.

Я выстрелила в голову Лины, чтобы она умерла мгновенно и не мучилась, затем застрелилась сама. Я сделала это всё без сожаления и угрызений совести. В моей голове не возникло мысли, что я поступаю неправильно. Я знала, что это единственный способ сохранить себя. Будь у меня возможность прожить эти часы ещё раз, я бы прожила их точно также. Даже спустя время я считаю, что была права. Таким удачным способом я прервала очередную жизнь в возрасте 26 лет. Уже в следующей жизни я узнала о том, что война закончилась победой Советского Союза и о том, что Гитлер покончил с собой. Как же противоречива жизнь. Возможно, мир знал бы прекраснейшего художника, вошедшего в историю по имени Адольф, а в итоге узнал тирана с жестокой идеологией и желанием создать идеальную расу. Итоги войны были подведены Потсдамской конференцией летом 1945 года. Европа была поделена между СССР и западными союзниками. Как и в Первую мировую войну, Германия лишилась части своих территорий и была разделена на четыре части, которые стали основой появления капиталистической ФРГ и социалистической ГДР. Также в 1945 году была создана Организация Объединённых Наций, обязанностью которой было

сохранение мира во всём мире.

Мир потихоньку восстанавливался. Этот процесс занял много времени, так как ущербы войны были колоссальными. Восстанавливалась не только планета после глобальных разрушений, но и всё человечество. Вторая мировая война надолго останется в памяти людей, потери в этой войне сопоставимы лишь с концом света. И я очень надеюсь, что человечество не забудет этот период истории. Мы не имеем на это морального права. На данный момент это самая крупная и жестокая война за всю историю человечества не только по масштабам затронутых территорий, но и количеству погибших людей. Земля возрождалась заново.

Глава 4

«Если ты веришь в Бога, тебе не нужны посредники в виде камня и дерева».

Я гуляю по центру города, где почти на каждом углу находятся храмы и церкви. Церковные достопримечательности любого города всегда являются отличным способом зарабатывания денег. У меня особое отношение к религии и церкви, я не верю в человекоподобного бога. На то у меня есть особые причины. Время у меня ещё есть, поэтому ради интереса решаю зайти в церковь. При входе находится небольшой ларёк, где продаются свечи и иконы. Продаются! Не «раздаются»! Религиозный бог не щедрый. Всегда удивляло, почему люди не понимают ничего. Затем я услышала спор двух женщин. Ссора служителя церкви и раба божьего в доме господина! Вот это мне повезло, так повезло! Я оказалась в нужном месте и в нужное время! Постояв немного, я поняла, что причина конфликта в том, что женщина пришла в церковь со своими свечами, чем осквернила бога.

– Почему нельзя? Эти свечи я привезла из Иерусалима! – возмущалась женщина.

– Повторяю, со своими свечами нельзя! – ответила продавец ларька.

– Вы обязательно спросите нет ли у нее месячных. А то вдруг надо наряд полиции вызывать. Или того хуже – экзорциста, – вмешалась я.

– Что? – опешила она.

– Со своими свечами нельзя, во время месячных тоже нельзя. Что же получается: если я верю в Бога, то не могу найти приют в его доме, пока деньги при входе не выложу? А если месячные, то я, божья дочь, на несколько дней перестаю быть христианкой? Если Бог создал всех нас, то и женщина тоже его рук дело, и месячные тоже он создал! Или женщина – бракованный продукт? В конце концов, что случится, если она поставит свои свечи? Бог разгневется? Или может церковь обрушится на голову? Хотя последнее было бы забавно.

В этот момент по странным стечениям обстоятельств, пока я возмущалась, на пол упала икона, прикрепленная на стене.

– Выйдете из церкви! – услышала я от батюшки.

– На каком основании? – спросила я.

– Я сказал вам выйти и это не обсуждается!

– Нет уж! Теперь я не уйду никуда! Теперь слушайте! Вы реально верите, что ваш бог желает, чтобы вы приходили сюда и тратили деньги в его «доме», как вы его называете, чтобы попросить о чём-то, чтобы быть услышанными? Где ваши мозги? Вы хоть знаете, *кто* написал Библию и зачем? Вы хоть раз задумывались о том, почему в мире существу-

ет не одна религия и у каждого свой бог?! Вы слепо верите книжке, которую неизвестно кто написал, и поклоняетесь картинам! Бог бы такое даже во время самых скучных вечеров не придумал! Вы действительно думаете, что ваш бог всемогущий? Почему тогда на земле войны и умирают дети? Как это объясняет ваша церковь и ваш бог? Всё, что вы можете сказать матери умирающего ребёнка, это: «На всё воля Божья!». В мире столько зла, и вы ещё до кучи умножаете его!

– Пошла отсюда вон! – сказал мне батюшка тихим голосом, чтобы никто, кроме меня не слышал.

– Сколько весит ваша вера в бога, батюшка? – спросила я его громко. Его лицо залила краска стыда и гнева. – Кровь, кости, мышцы, а остальные килограмм сто и есть ваша религия? Что же вы молчите? Ваша вера не позволяет мне ответить?

Тут неожиданно батюшка-толстяк схватил меня за руку и вышвырнул из церкви. Просто взял и вышвырнул! Если бы я обладала даром мысленно убивать, я бы испепелила его в один миг! Можно подумать, я горела желанием там находиться. Но всё-таки я вышла из церкви с неким облегчением. Я высказалась! Хотя, какой раз по счёту я высказываюсь? Повезло, что в современном мире за это не убивают. Каждое моё посещение «святыни» заканчивается каким-нибудь происшествием. Обычно я посещаю церкви, потому что мне интересно, какие происходят изменения с точки зрения ар-

хитектуры и, конечно, с точки зрения «эволюции» человечества. Как же досадно прожить столько тысячелетий и осознать, что церковная система проникает во все сферы жизни человека даже зрительно! Выйдя оттуда, я обрадовалась, что времена инквизиции прошли и меня просто выгнали. Я шла по улице и считала количество церквей по дороге. Когда я сбилась со счёта, мне надоело это занятие – и так ясно, что их огромное количество. На протяжении тысячелетий меня поражало то, как работает любая религиозная система. Зомбированные этой идеологией люди действительно верят, что, придя в деревянное или каменное здание, поставив свечку перед картиной с изображением себе подобного (а самое интересное – то, что они в глаза не видели того, кому поклоняются) и прочитав слова, именуемые молитвой, – жизнь изменится, чудо произойдёт, бог услышит их. Это относится не только к христианской религии. Последователи индуизма всю жизнь стремятся к нирване путём освобождения от материальных желаний. Главная их цель осознать природу своего Я и своё единство с богом. Буддисты считают, что телесные и физические страдания противоестественны, поэтому нужно избавляться от всего, что может причинить страдание. Человечеству нужно было эволюционировать тысячами, чтобы поклоняться и молить о помощи придуманного бога, став его рабом. Нужны были тысячелетия для того, чтобы ограничивать себя в жизни ради кем-то придуманных сводов правил. Религия – оборотная сторона магии. И наобо-

рот. Но это никого не смущает. Бог – это добро, магия – это зло. Всё, что не поддаётся контролю или объяснению, немедленно уничтожается. Людей с экстрасенсорными способностями раньше безжалостно убивали, считая их сторонниками тёмных сил. Испокон веков любая религия – институт насилия. Это я поняла давно, а убедилась несколько веков назад. Человек обращается к религии или магии тогда, когда ни он, ни наука не способны дать ответы на главные вопросы: «Кто я? Зачем я живу? Что будет потом?». Но и на эти вопросы религия не может дать ответы, потому что она изначально была формой власти, у неё другая цель. Я не отрицаю, что Бог существует, я отрицаю существование человекоподобного бога. Дева Мария не говорила, что родила Бога людям. Иисус не говорил, что он бог и ему нужно поклоняться. И уж точно Иисус не писал Библию. Да и умел ли он писать? Иисус, как и пророк Мухаммед, проповедовал Любовь. Просто кому-то было выгодно после их смерти обоже- ствить их. Мало кто знает, что Коран изначально был научной астрономической книгой. Тот Коран, который мы знаем сейчас, сильно отличается от первоначального Корана. Библия вначале тоже была иной – она была философской и астрономической книгой. Но кто-то решил сделать из них пульт управления. Для того, чтобы появилась религия, нужно не так много: сначала необходимо придумать имя богу; потом дать людям инструкцию к жизни, которую, якобы, он оставил; затем придумать ему дом, в котором будут ему по-

клоняться; далее придумывается одежда, которую должны носить священнослужители и так далее. Точно также создается государство: страна, законы, культура.

Я свернула налево и оказалась на Цветном бульваре. Не помню, как я сюда дошла за такое короткое время. На дворе было начало лета. К счастью, оно было тёплым. Я купила кофе, села на скамейку и задумалась. Когда в центре Москвы среди суеты людей, которые спешат куда-то, ты просто сидишь и наблюдаешь за окружающими, то можешь быть уверен, что это и есть самое настоящее уединение! Именно тут нет никому дела до тебя, кроме попрошаек, конечно. И, если хочешь побыть один, приходите нужно именно в людные места. Пока я пила кофе, насчитала человек двадцать, которые, машинально проходя мимо церквей, крестились. Невольно на лице появилась улыбка. Интересное наблюдение: человек может перекреститься, проходя мимо церкви, но через секунду споткнувшись, будет материться на чём свет стоит. «Согрешу, потом покаюсь» – вот она религия современного мира. Странное чувство: я сижу на лавочке в центре Москвы, на дворе 21 век, а в воспоминаниях, как на этом месте несколько веков назад жгли людей, десятилетиями позже был сильный пожар. Место остается тем же, оно всё помнит, меняются только постройки и условия жизни людей.

– Не смотри так на них, а то сожжёшь их, ведьма!

Я повернула голову и увидела Вага. Судьба всегда нам по-

сылает людей, равных нашему внутреннему состоянию души и мыслей. И в этой жизни я столкнулась с человеком, который меня понимает и помогает многое осознать.

– Очень смешно. Никакая я не ведьма, – ответила я, оби-
девшись.

– Ведьма! Ещё какая! Ты себя в зеркало видела? – про-
должал он издеваться, смеясь.

– Меня выгнали из церкви. Икона упала. Ты бы видел, ка-
кие толстые люди там работают! – рассказывала я возмущён-
но.

– И после этого ты не ведьма? – мне пришлось ждать ми-
нут пять, пока он не перестанет смеяться.

– Я не могу спокойно смотреть на этих фанатиков. Неуже-
ли все забыли, что раньше люди с помощью Богов пытались
объяснить те или иные природные явления? Если всё спо-
койно, то бог доволен, а природные катаклизмы объяснялись
Божьим гневом. Тогда у людей не было достаточных знаний
для объяснения, – теперь есть, но ничего не меняется.

– С помощью религий можно легко управлять людьми.

– Знаю. Многие это знают. Но мне кажется, что пока чело-
вечество живёт, будет существовать религия. Это слишком
мощная сила. Человек по своей природе боится брать на себя
ответственность за свою жизнь. Даже атеисты не могут объ-
яснить, во что они верят! Понятно, что не в Бога, но во что-
то они же верят! Человек не может без веры. Это замкнутый
круг.

– Это все самовнушение, человек верит и ему это помогает. Вот смотри: мусорное ведро, если я скажу, что нужно молиться и поклоняться ему, потому что оно святое, то ему будут молиться. И что самое интересное, это обычное мусорное ведро будет помогать, потому что человек верит в это.

– Если сказать, что это мусорное ведро откопали несколько тысяч лет назад, ещё добавить, что оно принадлежало какому-нибудь святому, то цены ему не будет.

– Да! Люди легко верят в самые бредовые вещи. Бедная женщина Матрона в гробу бы перевернулась, узнав, что сделали с её именем.

– Для того, чтобы стать святым, сначала ты должен долго страдать. Нелепо. Хотя... Людям всегда необходимо верить во что-то. Даже в мусорное ведро.

– Уж лучше в мусорное ведро.

– Смотри, какие звёзды красивые. Я так люблю смотреть на них. Это единственное, на что можно смотреть бесконечно, – сказала я, и поняла, что уже вечер.

– Ты тысячелетиями смотришь на них. Не надоело?

– Это единственное, что не надоедает. Время идёт, а это не меняется. Как думаешь, люди действительно когда-нибудь смогут жить на Марсе?

– Люди на Земле жить не могут. Какой там Марс? Изучают планеты, ищут там признаки жизни, следы воды, но никак не поймут, что Земля – последняя живая планета. Земля – последнее место для существования всего живого во Вселен-

ной. Земля – наш единственный шанс.

– Другим в это трудно поверить. Зато легко поверить в придуманного бога!

– Людям когда-нибудь надоест жить во лжи. Их постоянно обманывают, навязывают придуманную историю, они в это верят веками. Но рано или поздно всё равно узнают правду.

– Люди боятся правды, потому что не всегда знаешь, что с ней делать. А ложь успокаивает.

– Ненадолго.

– А я часто думаю, почему все планеты имеют почти одинаковую форму? Они все либо в форме шара, либо в форме эллипса. Нет ни одной планеты в виде треугольника или квадрата.

– Такими мы их видим. Это не значит, что они действительно такие. Это наша иллюзия.

– Или реальность. Но насколько то и то реально или нереально?

– Моя реальность – твоя иллюзия. Есть свет – есть тьма. Открой глаза – свет, закрой – тьма. Но и это иллюзия. Есть свет – есть мы. Нет света – нет нас. Эта единственная реальность.

– Люди так глубоко не копают. Люди ходят в церковь и ищут творца в зданиях. Люди устремляют руки и глаза к небу, но не знают точно, к кому именно обращаются. Им проще верить в бога, которого им придумали, потому что кто-то когда-то за них уже всё сделал. Кто-то за них всё ре-

шил, им самим уже ничего не нужно делать. Это и есть их реальность. С себя спрос другой, нежели «на то воля Божья».

– Мы и есть Бог. Мы – мысли Бога. Никто не спасёт нас, мы сами должны спасти себя. Мало кто понимает это. Бетховен, Булгаков, Данте и другие это понимали. Но даже они не полностью познали эту истину.

– Толстой тоже понимал это. Он, как и любой человек под конец жизни, задался вопросом веры, у него появились вопросы к церкви. Только церковь не смогла ответить на них. Тогда он постарался сам ответить на свои вопросы, за что был отлучён от церкви. Вот объясни мне кое-что: сегодня в церкви упала икона, это связали с тем, что во мне бесы и так далее. Хорошо, допустим! Но я дочь Божья, так помогли бы мне избавиться от бесов! Зачем меня выгонять? Ведь они должны служить богу и помогать ближнему! Но нет! Потому что никто не служит Богу! Это служба системе! Да и вообще, испокон веков любой правде «закрывали рот». Это омерзительно.

– Тот, кто понимает истину, всегда несчастен. А они все были несчастными. Я про Толстого и остальных. Мира, никто не допустит того, чтобы правда просочилась в массы, если она может разрушить определённую систему. Пойми, эта система создавалась веками, у неё мощная сила.

– То есть мир так и будет жить во лжи?

– Нет. Придёт время, когда всем придётся снять маски и отчитаться за свою историю. Это болезненный процесс,

но он необходим.

– А, если не допустят, чтобы это произошло?

– Правда всегда найдет путь. Рано или поздно это произойдет.

– Каждый раз, когда я смотрю на небо, неважно днём или вечером, когда на нём звёзды, я думаю о том, что мир так прекрасен, небо прекрасно, оно у нас одно и такое неповторимое, а мы оградились от него крышами и стенами домов. А ведь эти дома были не всегда. Жили же как-то люди раньше без квартир и домов, – я сменила тему также быстро, как менялись мои мысли.

– Мира, весь мир сейчас кишит ненужными вещами, но их навязывают людям, как необходимость. Я недавно зашёл в магазин, хотел купить хлеб, на кассе мне предложили по акции купить подставку для бутылки масла! Я спросил: зачем она мне нужна? А кассир ответила, что это удобно и красиво будет смотреться на кухне. Такими бесполезными товарами и услугами нас «запичкали». Таким образом, отвлекающими способами нас уводят от нашего истинного предназначения на Земле.

– Пудрят мозги.

– Именно!

Вага стал понимать мир благодаря астральным путешествиям. Мы с ним знаем, что случилось с нашей Солнечной системой, про смерть планет. По каким-то причинам каждая планета умирает и остается безжизненной глыбой, которая

подчиняется законам вселенской гравитации. Наша планета последняя в списке, на которой есть жизнь. Если Земля погибнет, как и другие планеты, то ближайшие миллиарды лет во Вселенной не будет ничего живого. Со смертью нашей планеты погибнет всё. Он считает, что людям бессмысленно искать признаки жизни на Марсе и других планетах, потому что это изучение мёртвых планет. Вместо этого, он уверен, что человечество обязано сохранить жизнь на Земле, пока не поздно. Он уверен, а я это видела.

– Ты не задумывался, почему учёные в поисках жизни на других планетах, первое что ищут – это признаки наличия воды или следы её существования ранее? Что, если вода и кислород – это естественная форма для жизни только для нас, землян? Что, если, например, для цивилизации на том же Юпитере, огромном газовом гиганте, естественная форма жизни – это наличие метана, гелия, аммиака? То, что пригодно для нас, возможно, губительно для других и наоборот.

– Дело не только в химических элементах. Мы, как и другие, были рождены благодаря Солнцу. Благодаря Солнцу же можем умереть.

– Планеты способны перемещаться в галактике. Если главное – это Свет, и луч Солнца способен зародить жизнь на планете, ведь после гибели планеты она переместилась дальше от Солнца в Солнечной системе. Мы же не можем знать наверняка, что происходило миллиарды лет назад и как

всё было устроено! Первая планета погибла и переместилась подальше от Солнца, уступая место новой планете для жизни. Тогда получается, что самая дальняя планета в нашей Солнечной системе есть самая первая планета, на которой была жизнь.

– Всё может быть. Кстати, что твой мужчина говорит на то, что мы общаемся? Его не смущает, что ты, армянка, называешь братом азербайджанца?

– Он смеётся. К тому же с моим характером ему лучше мне ничего не говорить на этот счёт, – ответила я, смеясь.

Время полночь, мы разошлись. Я шла домой и думала: что, если всё это правда? Что, если мои перерождения – это не наказание, а подготовка к тому, чтобы я постигла истину? И что будет, если я постигну эту истину? В нашем подсознании всегда кроются мысли и страхи, которые мы не хотим принимать и отгоняем прочь поганой метлой, считая эти мысли недостойными. Как бы я не говорила, что устала жить, как бы ни желала прекращения перерождений, каждый раз, умирая, я боюсь, что это последняя жизнь. Наверное, если бы я обрела покой в душе, мне были бы не страшны эти мысли. Я знала людей, которые прожив большую часть жизни, готовы со спокойной душой принять смерть, они убеждены, что всё прожили, всё сделали. Наверное, умирать страшно только тогда, когда ты понимаешь, что ещё не сделал чего-то важного, когда душа беспокойна, долг не исполнен. И нет более тягостного чувства, чем чувство пустоты в ду-

ше. Как бы мы не пытались запихнуть туда общение с друзьями, работу, временных людей, эта пустота не становится меньше. Наоборот, эта пустота умеет мстить за то, что в неё пихают мусор.

– У тебя телефон выключен, а я тут сижу уже два часа и жду тебя, – я повернула голову и увидела Женю.

– Как ты меня напугал! Я тебя убью!

– Скорее я тебя убью! Сколько можно ждать тебя? Где тебя так долго носит?

– Я на допросе? – спросила я Женю, вложив в эти слова грубую интонацию и укор.

– Может, хоть иногда будешь считаться со мной?

Мы поднялись в квартиру, я налила нам виски и села в кресло, Женя присел напротив. В духовке готовилась пицца. Я хотела сделать этот вечер максимально комфортным. Мне просто хотелось отдохнуть морально.

– Встретилась с братом?

– Конечно. Мы опять разговаривали о сущности бытия, – ответила я, смеясь.

– Что нового на этот раз? Вы придумали, как спасти мир? – спросил он иронически.

– Язвительность не твоё, не пытайся, – ответила я, корча лицо, как ребёнок, – но если тебе интересно, то могу рассказать. Сегодня мы разговаривали о возникновении жизни на Земле.

– Мира, ты ненормальная, тебе 28 лет, тебе надо о семье

думать, а ты думаешь непонятно о чём. Что даст тебе эта информация? Как она поможет тебе в жизни?

– Это ты думаешь непонятно о чём, а я ещё не нашла того, за кого бы замуж хотела выйти. К тому же я не преследую цель выйти замуж и посвятить всю себя мужчине, наплевав на собственную жизнь.

– Опять двадцать пять. С чего ты взяла, что замужество – это конец жизни?

– А с чего ты решил, что нет? Ты был женщиной и у тебя был муж? Замужество – это служение мужчине, а я слишком гордая и люблю себя, чтобы выходить замуж. Тема исчерпана?

– То есть за меня замуж не пойдёшь?

– Я не больная, – в этот момент в меня полетела подушка.

– Знаю я, Мира. Ты не пойдёшь замуж даже под дулом пистолета.

– А ещё сегодня меня выгнали из церкви, просто взяли и вышвырнули! – я сменила тему, потому что тема семьи меня явно раздражала. Женя быстро понял это и подыграл мне.

– Да ладно?! – он впал в истерический смех, у него текли слёзы по лицу, он никак не мог остановиться.

– Если бы я знала, что доставлю радость этой новостью, промолчала бы! – ответила я раздражённо.

– Как думаешь, мне дадут срок или грамоту, если я убью ведьму? – продолжал Женя, вытирая слёзы.

– Тебе дадут по шее, – ответила я и бросила в него обратно

подушку, или я прокляну тебя!

– Мне спасибо скажут. Я избавлю мир от зла! Я стану Евгением, освободителем Земли от нечисти!

– Ты станешь горсткой пепла в мусоре! Понял?

– Обожаю тебя! Я так давно не смеялся!

– Знаешь, для чего мы встретились?

– Давай, расскажи, – он явно был заинтригован, пододвигаясь ближе ко мне и широко улыбаясь.

– Бог увидел, как ты страдаешь, поэтому он решил послать тебе меня, – ответила я с улыбкой. – Я – твоё спасение.

– Ну, конечно! Он увидел, что я страдаю, послал тебя и сказал: «Вот тебе, пострадай ещё! До кучи!». До тебя я нормально жил, это ты всё испортила, Ведьма!

– 1:1, подожди ещё.

– Может тебя инопланетяне заберут? Я даже готов собрать тебе чемодан, – не унимался Женя.

– Сволочь ты, Евгений. Инопланетянам он сдать хочет. Кого любить-то будешь?

– Желающих много, – ответил он с улыбкой. – Кстати, об инопланетянах, может ты одна из них?

– Может быть.

– То есть вы существуете?

– Ты так хочешь задержаться в моей квартире, что готов поговорить об этом? – спросила я с улыбкой.

– Угадала, – Женя засмеялся.

– Они есть. Разве это логично, если бы мы были един-

ственными во Вселенной? Существует столько галактик! Не задумывался, почему нас никто не атакует, почему нас не пытаются уничтожить? С нами даже на связь не выходят! Либо мы настолько тупые и никому не интересны, и поэтому нас обходят мимо, либо мы многого не знаем. Но, скорее всего, мы кому-то нужны для каких-то целей! Кто-то предположил, что мы всего лишь чей-то эксперимент, а наша Земля – база. Тогда это объясняет, почему инопланетяне до сих пор скрываются. При этом мы не знаем, кто сильнее: мы или они. Ясно, что сильная раса всегда поработит слабую расу. Но я уверена, что они есть! И почему-то мне кажется, что они умнее нас.

– Откуда это всё в твоей голове?

– Хотя у меня есть ещё одна теория: представь, что во Вселенной инопланетяне – это *мы* из прошлого или будущего. Возможно, они следят за нами, преследуя какую-то цель, выжидают определённый момент. Кто знает, что таит чёрная дыра?

– А как ты понимаешь, что такое «чёрная дыра»?

– А ты? – ответила я вопросом на вопрос.

– Чёрная дыра – это материя с сильной гравитацией, которая поглощает всё вокруг. Например, если на батут положить шар, то он продавит его своей тяжестью, то же самое и чёрная дыра в моём понимании. О, как я сказал! Я – умный.

– А мне она видится другой. Мне кажется, что чёрная ды-

ра – это наше прошлое, которое мы всегда помним и воспринимаем через призму собственных эмоций, опыта и других факторов, чаще оно искажено в нашем понимании. Прошлое затягивает и уничтожает. Вот, что для меня чёрная дыра.

– Интересно.

– Жень, в мире столько всего интересного! За пределами нашего мира ещё больше интересного! Почему новые модели телефонов, новые бренды одежды и так далее, популярнее изучения нашей Земли и Космоса?

– Для этого не нужно сильно напрягаться, наверное, поэтому. Кто-то что-то изобрел, ты покупаешь, радуешься покупке. Ведь не ты голову ломал, как это сделать. Ты пользуешься готовым продуктом.

– О! Зародыш мозга у тебя всё-таки есть! – ответила я и засмеялась.

– Бестолочь! Какая же ты бестолочь!

– Хватит болтать, я хочу целоваться!

Вот теперь на лице Жени появилось то выражение лица, которое мне всегда в нём нравится: желание и нежность. Вскоре после знакомства с ним я поняла, как нужно вести себя, я догадалась за какие ниточки нужно дёргать, чтобы получать желаемое. На мою радость, он хорошо ко мне относился, и мне не составляло труда управлять им. У меня была большая симпатия к нему, хотя со стороны это выглядело иначе.

– Мира, почему ты не веришь в Бога? Когда-то он не по-

мог тебе? Я долго не трогал этот вопрос, считая, что это болезненная тема для тебя. Но раз мы лежим в одной постели и общаемся, и пока ты откровенно разговариваешь, я ловлю момент, – на лице у него была язвительная улыбка. Он прав, либо я чересчур язвлю, либо адекватная.

– Хорошо. Опиши своего Бога.

– Не понял. В смысле описать своего Бога? Иисуса?

– Значит, ты веришь в человекоподобного бога? В бога, у которого две руки, две ноги, глаза, рот, уши?

– Ну да, – он смотрел на меня в упор, пытаясь понять, почему я улыбаюсь и чего выжидаю.

– Продолжай, я слушаю.

Затем он не выдержал и спросил:

– А в какого Бога веришь ты, Мира?

– Я не верю в человекоподобного бога. В таком случае мы сами Боги, каждый человек и есть Бог. Вспомни, раньше Богом называли Солнце. Неспроста же! Люди тогда были умнее и больше понимали смысл жизни. Богом они называли Свет, без которого невозможна жизнь. Задумывался, почему и откуда корни растут? Солнце – свет! Не будь Солнца, жизни на Земле не было бы! Если Солнце исчезнет – мы умрём. Сегодняшнего бога мы придумали, построили ему дома, дали множество имён, придумали ему целую биографию, написали про него книги и создали несчетное количество икон. Но такого Бога не существует! Солнцу фиолетово признают его творцом или нет, а вот твоему богу нужно поклонение.

ние и признание. Твой бог создал жизнь на Земле за семь дней, а мой – за миллиарды лет. Только мой Бог существует, а твой – придуманный. Очень долго объяснять, почему я так думаю, на это есть свои причины.

– Ты странная, будто из другого мира или сбежала из психиатрической больницы, – ответил Женя.

– Смотри! Объясню на пальцах: на нашей планете есть материки, реки, океаны и так далее. Есть люди, населяющие эти материки. И вдруг я понимаю, что живу я на территории, где мало полезных ископаемых, мало ресурсов. А мой сосед по континенту, например, очень даже богат в этом плане. И что же мне делать? Я придумываю существо, именуя его *творцом*, говорю, что этот *творец* явился ко мне и дал указания что делать. Затем с помощью этой лжи я собираю кучку людей: сначала маленькую, потом кучку побольше; набираю силу. Затем я говорю, что бог недоволен кем-то, и мы должны воевать во имя него. Таким образом, я держу в страхе народ, ссылаясь на его имя. Какой же это бог, который нам не оставил инструкцию по применению? Дальше я придумываю заповеди. Если я очень умная, что я делаю дальше? Я засылаю врагу человека, который проповедует другого бога, там он собирает своих сторонников. И вот теперь я могу напасть на них с ещё большим пылом и страстью, ссылаясь на то, что существует только мой бог. Первая заповедь «Не убей». Но! Во имя бога «Убей». Ведь этого хочет сам *творец!*

– Согласен, это я тоже понимаю. Религии – это то же самое, что государство. Но я не совсем соглашусь насчёт того, что вера не помогает. Люди ходят в церковь, молятся. Это же помогает. Говорят, что в этот момент открывается портал. К тому же, есть вера, а она сильная штука. Человек не может жить без веры, Мира.

– Женя, ну что ты как маленький? У тебя не возникнет неловкости, если священник назовёт тебя «сын мой?». Например, такое позволено только моим родителям, я их дочь и больше ничья. Разве имеет право один смертный называть так другого смертного, не имеющего к нему никакого родственного отношения? Разве логична такая форма обращения? Существует множество историй, как извращенцы, маньяки, педофилы работали в церквях и до сих пор работают. Во время служения слышишь эти слова и не знаешь, кто перед тобой. Противно! Духовенство – лишь прикрытие для того, чтобы спокойно творить подобное. Почему если я христианка, то в день месячных я перестаю быть христианкой? Неужели непонятно, что всё дело в том, что на женщину во время менструации реагируют иначе? Я сегодня тоже кричала об этом в церкви. Бог нас создавал с целью, чтобы мы верили в себя! Когда у тебя родится ребёнок, ты же захочешь, чтобы он любил себя и верил в себя, а не в тебя! Правильно? Ты же не скажешь своему ребёнку: «Я тебя создал, ты должен мне поклоняться!». Никогда ты такого не скажешь, потому что будешь желать для своего дитя са-

мого лучшего, а не рабства!

– Иногда, когда ты рассуждаешь о подобных вещах с другой колокольни, я думаю: как в твоей голове рождаются подобные мысли? А потом я начинаю сомневаться в твоей адекватности. Но, если честно, ты так уверенно об этом говоришь, что я поневоле начинаю верить тебе, а это очень опасно. Нельзя верить женщине, но у тебя дар убеждения и манипуляции.

– Это первая заповедь мужчины?

– Конечно. Так же, как у вас, женщин, первая заповедь: испортить жизнь мужчине.

– Очень смешно, – ответила я и дала ему подзатыльник от всей души.

– Мира, ты – необычная женщина. Я в этом убеждаюсь каждый раз. Такой больной у меня не было.

– Жень, дослушай меня! Юнг говорил, что «наша психическая структура повторяет структуру Вселенной, и все происходящее в Космосе повторяет себя в человеческой душе». А я уверена, что у нашей планеты есть рассудок и наш организм – проекция нашей планеты. Когда у человека отравление, то начинается рвота, понос. У Земли же извержения вулканов, оползни, наводнения. Землетрясения – проекция того, как мы ломаем себе кости. Болота планеты – это наши почки, у них та же функция фильтрации.

– Не задумывался об этом.

– Давай выпьем за меня, гения?! – предложила я.

– Я рад, что тебя повстречал. Иногда жалел, иногда радовался, что ты есть. Разные эмоции возникают от общения с тобой. Но больше я рад.

– Эмоции – это хорошо, – ответила я с улыбкой.

– Ни с одной женщиной я не обсуждал такие темы, как с тобой. Будто сижу с мужиком общаюсь, у тебя мужской склад ума. Кстати, ребята сегодня звали на дачу, но я не поехал. Я подумал, что твоя компания и виски будут интереснее.

– Не пожалел?

– Пожалел, конечно, но разве у меня есть выбор? Вдруг наведёшь порчу.

– Выбора нет, смирись.

Я встала с кровати и направилась к книжному шкафу, достала книгу Льва Толстого и протянула ему.

– Что это?

– Я хочу, чтобы ты прочёл это.

– Сейчас? – спросил он с выпученными глазами.

– Это займёт десять минут. Я хочу, чтобы ты прочёл его рассказ «Разрушение ада и восстановление его». Пожалуйста.

– Что только не сделаешь ..., – вдохнул Женя и открыл книгу.

Тем временем я пошла в душ, а Женя сел на диван и начал чтение. Хорошо, что он сносит мой скверный характер. Когда я вошла в комнату, он мне сказал:

– Это точно Толстой написал?

– Да. У тебя были ко мне вопросы. Думаю, что Лев Николаевич лучше ответил на них, чем я.

– Да уж... А ведь всё это правда. Просто Толстой у меня ассоциируется с другими произведениями. Я даже не знал, что у него есть «Ад».

– Жень, под конец жизни у человека особо остро возникают вопросы на тему того кто он, есть ли Бог; кто-то углубляется в религию. У зрелого Толстого тоже возникли эти вопросы. Этот короткий рассказ показывает, что такое церковь. Когда возник конфликт между писателем и церковью, и церковь отлучила его, то Толстой написал им ответ. В конце книги это есть, почти вслух.

Женя пролистал книгу и начал читать:

– «...То, что я отрёкся от Церкви, называющей себя Православной, это совершенно справедливо.

...И я убедился, что учение Церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же – собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающего совершенно весь смысл христианского учения.

...Я действительно отрёкся от Церкви, перестал исполнять её обряды и написал в завершении своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковных служителей мёртвое моё тело убрали бы поскорее, без всяких над ним заклинаний и молитв, как убирают всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мешала жи-

ВЫМ...».

– Неужели ты с ним не согласен, Жень?

– Зашёл в гости, называется. Вот так зайдёшь в дом Ведьмы верующим человеком, выйдешь атеистом.

– А ты как думал? Всё не так просто!

– Я только сейчас начинаю понимать, во что впутался, – мы оба засмеялись.

– Хочешь тайну раскрою тебе? – спросила я лукаво.

– Даже не знаю, наверное, нет.

– Обнаглел?! Хочешь, конечно! Так вот слушай: когда моя мама была в роддоме, в ночь моего рождения была сильная гроза. Во всём роддоме вырубился свет, и моя мама родила меня в полнейшей темноте. Бедные акушерки тоже намучились. Как только я родилась, включился свет, и прекратилась гроза, – закончила я, ожидая его реакцию.

– Так рождаются ведьмы. Бедная твоя мама. Ты похожа на ведьму, серьёзно говорю! У тебя маленький рост, чёрные волосы и чёрные глаза! А ещё твои глаза расширяются, когда ты злишься! Вот тогда мне становится страшно!

– Моя мама самая богатая, ведь у неё такая прекрасная дочь! И спасибо, я в курсе, что я красивая!

– Корону поправь, – Женя взъерошил мне волосы. Всё-таки мне хорошо с ним, мы всегда смеёмся. Наверное, если бы я могла жить дольше, я бы вышла за него замуж, родила детей и стала бы самой обычной женщиной.

Ночью я проснулась от того, что Женя пытается меня раз-

будить.

– Мира! Что с тобой? Что тебе снилось?

– Кошмар! Надо же было присниться такому!

– У тебя лоб мокрый, да и волосы тоже!

– Жень, мне приснилось, что я выхожу замуж, стою в ЗАГСе, меня спросили, согласна ли я взять в мужа ко-го-то, а я даже не вижу его лица! Во сне я стояла, как вкопанная в землю, а потом упала в обморок. А потом ты разбудил.

– Дура! Я испугался! Ты бы видела себя со стороны! С каких пор свадьба – это кошмар?!

– Знаешь ли, у всех свои кошмары, – сказала я, обидевшись.

– Прекращай, не отворачивайся. Ты самая больная на голову женщина в моей жизни.

– Спокойной ночи.

– Да теперь-то куда? А если тебе приснится, что выходишь за меня замуж, не проснёшься же! – Женя пытался разрядить обстановку.

– Спасибо тебе за то, что всё переводишь в шутку.

– С тобой по-другому нельзя...

Глава 5

Середина 17 века. Русское государство. Это было время правления династии Романовых. Алексей Михайлович, сын первого царя династии Романовых, Михаила Фёдоровича, в возрасте шестнадцати лет вступает на престол. Никто не мог представить, какое бремя выпадет на государство в период его правления. Помимо «солевого бунта» Россию ждал другой, жестокий по своим масштабам и проявлениям отрезок времени. Подросток на троне – плохая идея для любого государства. Гормоны мешают править адекватно. Но тогда были другие времена.

Февраль 1653 года – это время, когда началась реформа русского православия. Патриарх Никон, которого любил Царь, и к которому он прислушивался, возглавлял эту реформу. Никон и константинопольские патриархи поставили перед собой цель вернуть русское православие к исконно византийскому, ведь становление Христианства берёт начало именно в Византии, и классическое православие тоже принадлежит Византии. Они были убеждены, что православие в России за много веков было искажено. Когда Русь приняла Христианство, то церковный обряд был двуперстным, а аллилуйя была двойная. В Византии же он имел вариант троеперстия и аллилуйя была трегубой. Старообрядцы, то есть противники реформы, утверждали, что русский обряд боль-

ше приближен к первоначальному православию. Это было столкновение двух идеологий, борьба конкурентов: с одной стороны – русское православие, с другой – греческое. Любая реформа – это господство, сосредоточение власти и влияния в чьих-то руках, обычно это узкий круг людей. Власть никогда не терпит коллективность. Почти за десять лет реформа унесла жизни около четверти населения Русского государства. Старообрядцы подверглись жестокой силе власти: тюрьмы, ссылки, казни, гонения, сожжения заживо, обезглавливания. Чудовищная участь постигла Соловецкий монастырь. Сначала Царь запретил туда ввоз продовольствия, но запасов монахов хватало примерно на десять лет. Монастырь продолжал подвергаться атакам со стороны царских войск. Все восемь лет, пока монастырь оборонялся, он отказывался принять Никоновскую реформу. В итоге, после многолетних атак и защиты, он всё же пал. Ни одна вражда не может длиться вечно, одна из сторон либо сдаётся, либо уничтожается. В назидание другим все монахи были обезглавлены, а их тела развешены на деревьях на территории монастыря. Реформа Никона началась с переписи Священного писания, а закончилась многолетней войной. У людей забрали «Исуса» и дали взамен «Иисуса», который сейчас. Теперь мы трижды произносим Аллилуйя.

При патриархе Никоне русское духовенство стало одеваться в греческие платья. Но! Греческие духовные лица в Византии не носили такую одежду. Зато такую одежду но-

сили турки после падения Византийской империи. Также отличительной чертой реформы стало то, что монахи стали носить длинные волосы. Хотя в Византии длинные волосы носила светская власть, но не духовные лица. В 1453 году Константинополь был завоеван султаном Мехмедом II. Вместе с Константинополем перестала существовать Византийская империя. Константинополь был переименован в Стамбул, который стал столицей Османской империи. То есть ещё за два века до реформы православия Византийской империи уже не существовало! Так на что ссылался Никон? Что он хотел сделать с русским православием? Старообрядцы понимали, что Никон был заслан к Царю с конкретной целью, для совершения которой его готовили. Христианство не могло смириться с тем, что в 1453 году, после завоевания Византийской империи, религия утратила прежнее могущество. Религия изначально была формой правления и до сих пор она не теряет эту силу, поэтому она и политика всегда идут рука об руку. За всю свою историю церковь пережила множество трансформаций, войны во имя бога унесли больше жизней, чем все мировые и гражданские вместе взятые.

В это страшное время пришлось одна из моих жизней. В 1660 году, когда мне было 25 лет, начался самый пик гонений и массовых убийств. То есть до завершения этого цикла жизни мне оставалось меньше четырёх лет. Я жила счастливой жизнью любимой дочери и любимой женщины. До раскола вся моя жизнь была идеальна. Понемногу я стала при-

выкать, что Высший разум кидает меня в страшные мировые события, проверяя на прочность. Казалось, что так задумано, и я должна стать свидетелем всех ужасов, которые могут происходить на Земле. Потихоньку я закалялась, вырабатывала в себе стойкость. Но как бы мы ни были хладнокровны и сильны, жизнь всегда подкинет нам то, перед чем мы будем безоружны. А безоружными нас делает любовь и страх потерять её. И совершенно неважно к кому она: к родителям, детям или любовь между мужчиной и женщиной.

Лето было очень жаркое, я бы даже сказала, знойное. Прекрасное сочетание красивой природы и страданий людей. Я шла по улице, спрятав голову от Солнца, и направлялась к *нему* домой. Вот уже год *он* почти каждый вечер устраивает встречи, наши труды уже закончены и ждут того, чтобы о них узнали. Но к нашему ужасу мы оказались вовлечены в тот период истории, когда было бы разумнее спрятать или уничтожить то, что у нас есть во избежание смерти. Но познав истину, человек становится бесстрашным, а появившиеся препятствия являются лишь доказательством того, что ты на правильном пути. Так получилось, что в это сложное время я полюбила. Впервые полюбила. Вся моя история и опыт прошлых жизней нашли понимание в его душе. Он был астрономом и магом. Мы вместе исследовали тайны нашей планеты, изучали звёзды и планеты Солнечной системы. В этой жизни я занималась тем же, чем и в первой. Мы сделали много важных открытий, поняли многие закономер-

ности устройства Вселенной. Мой опыт и его дар предвидения помогли нам быстро и безошибочно понимать причину многих явлений в этом мире.

Мы познакомились год назад. Мне сказали, что есть мужчина, который способен видеть прошлое и будущее. Конечно же, я заинтересовалась, тем более, что его сравнивали с Богом, а мне очень нужна была Божья помощь. Я решила пойти к нему, ведь мне было любопытно узнать, сможет ли он увидеть *кто* я. Но в глубине души я надеялась, что он ответит на мои два главных вопроса: «Почему я перерождаюсь и когда этот цикл прервётся?». Я долго стояла перед домом, решалась: зайти мне или уйти обратно? Но неожиданно дверь открылась с внутренней стороны. Передо мной стоял красивый мужчина с голубыми глазами, таких глаз я никогда ни у кого не видела.

– Долго будешь бояться? Входи, – мужчина приоткрыл дверь и знаком пригласил войти.

Я помню, как рассматривала его дом, понимая, что это выглядит некрасиво и нагло с моей стороны, но не могла остановиться. Надо сказать, что моё беспокойство исчезло сразу, как только я переступила порог дома.

– Девушка из прошлого и будущего, ты пришла, – произнёс он, освобождая место на столе.

– Что?

– Ты хочешь знать, почему перерождаешься и есть ли этому конец? Верно? – спросил Сергей.

Конечно, я потеряла дар речи и стояла, будто меня живьём закопали в землю по плечи. Да, я шла сюда, предполагая, что он увидит какие-то события из прошлого, но не думала, что он может видеть всё! Я стояла с огромными выпученными глазами и смотрела на него, потом я оглянулась на дверь и хотела убежать.

– Мне казалось, что ты пришла сюда за ответом, а сейчас хочешь убежать. Понимаю. Одно дело хотеть чего-то, а другое дело получить желаемое. Тебе страшно? – в ответ я лишь кивнула.

Наступило молчание, которое вскоре он прервал:

– Я думал, такая как ты не должна ничего бояться. Я ошибся?

– Ошибся. Человек всегда боится чего-то. А я – человек.

Таким было моё знакомство с ним. Пока я шагала по дороге и вспоминала эти моменты, я уже дошла до дома. Когда я вошла, то увидела, что все собравшиеся уже заняли свои места. Это был чудесный дом. Я до сих пор мечтаю воссоздать его. Он был полностью деревянный, в нём было мало мебели. Больше всего я любила печь в этом доме. Огонь всегда создаёт уют, он успокаивает. Ведь известно, что огонь является магическим способом чистки энергии. Целительницы или ведьмы используют его для различных ритуалов. Любую стихию можно применить во благо и во вред. Церковная система тоже учла свойство огня, поэтому люди ставят свечи. Помимо самовнушения и веры есть и другие факторы. Напри-

мер, все тексты молитв написаны с правильным учётом сочетания гласных и согласных букв, это самая обычная практика дыхания. Ведь когда человек взволнован, его дыхание нарушено. Молитвы, йога и медитации помогают за счёт того, что являются дыхательной гимнастикой. Я ещё раз оглядела дом и присела на своё место. Сергей начал собрание:

– Каждый раз, когда мы встречаемся, я не знаю: последняя это встреча или нет. Мы сделали то, о чём мечтали, но воплотить мечту в реальность оказалось большой проблемой. Реформа приобретает новую силу и эта сила мощная. В это время науке сложно пробивать дорогу. У нас практически нет шансов в это время. Если нас раскроют, а это может произойти в любой момент, то всех убьют. Именно поэтому мы должны решить, что нам делать и как сохранить то, что у нас есть. У нас не так много времени, мы не имеем права тратить его впустую.

– Разве мир будет когда-нибудь готов к тому, чтобы принять и поверить в то, что мы так усердно пока прячем ценой своих жизней? – сказал один из мужчин, которого звали Арсений.

– Рано или поздно мир устанет от лжи, – ответила я.

– Нас, скорее всего, убьют, поэтому до этого момента необходимо всё сделать. План остаётся тем же. Мира сделает всё остальное. Сейчас мы должны вести обычную жизнь и не выделяться, – продолжал Сергей.

– Хорошо, мы всё спрячем. Допустим, никто не найдёт

наши записи, но где гарантия, что Мира переродится? Вдруг это её последняя жизнь? Получается, всё, что мы делали, умрёт с нами, – продолжал Арсений.

– Я согласен. Мы не можем быть уверенными в этом. Я боюсь даже не того, что Мира не переродится, я боюсь, что спустя время кто-то найдёт наши записи и использует их в своих целях, как было всё это время, пока мы не узнали о них, – вмешался в разговор Владимир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.